

Замолигарха

12 марта 2018 года тело Николая Глушкова (г. р. 1949) было обнаружено в квартире на окраине Лондона на авеню Кларенс со следами удушения. СМИ говорят о «собачьем поводке». Тело обнаружила дочь Глушкова — Наталья.

17 марта, поразглядывая фотографии усатого Глушкова в интернете, я начал мою книгу. С хронологического конца — нужно сказать, с немедленного настоящего времени. Начав с Глушкова, буду отступать в прошлое.

Друг Бориса Березовского Глушков покинул Россию в 2004-м. Сидел он по делу Аэрофлота и в какой-то момент оказался в одной камере тюрьмы Лефортово с моим товарищем Сергеем Аксёновым. Поэтому естественно, что освободившийся после меня в конце 2003 года Аксёнов как-то устроил нам встречу.

Это было в период после того, как Савёловский суд Москвы суд оправдал Глушкова по обвинению в мошенничестве и отмывании средств, но признал его виновным в злоупотреблении полномочиями

(с 1996 года Глушков был заместителем директора Аэрофлота) и попытке побега и приговорил к трём годам и трём месяцам заключения. Как раз столько, сколько Глушков уже отсидел, он находился под стражей с декабря 2000 года. Следовательно, мы встречались где-то в марте 2004-го, помню, что на мне была зимняя одежда.

Тюрьма, естественно, сближает. Сблизила она и Аксёнова с Глушковым.

В ту пору в Лефортово нас сидело шестеро нацболов, все по «алтайскому делу»: я, Аксёнов, Пентелюк, Силина, ещё двое, не упоминаю их фамилий из презрения к ним. Сидели пятеро «радуевцев» — хотя это не совсем точно: сам Салман Радуев, бывший глава МВД Чечни Адгериев, Арслан Алхазуров (этот сидел со мной в 32-й камере некоторое время), других я не помню.

Сидели военные по делу Дмитрия Холодова, полковник Поповских, начальник разведки, Мирзоянц, с которым я как-то пересёкся в автозаке, корейский шпион Моисеев, и вот Глушков сидел.

Тюремное начальство имеет свои правила по поводу того, кого с кем сажать. Я просил зам-начальника тюрьмы посадить меня в одну камеру с Радуевым.

— Зачем вам это, Эдуард Вениаминович?

— А книгу напишу. Он же суперинтересный персонаж...

— Вам, Эдуард Вениаминович, о себе нужно думать, у вас следствие заканчивается. По вашему обвинению все пятнадцать могут вам дать, а вы о Радуеве собрались писать...

И счёл нужным объяснить: «Мы первых лиц по обвинению в одну камеру не сажаем, чтобы вы не сговорились о чём-нибудь».

Глушкова, следовательно, считали равным Аксёнову, а Аксёнов был негласно, но вторым лицом в партии после меня.

Ну вот, видимо, в марте 2004-го мы отправились с Сергеем Аксёновым к Глушкову.

Многие детали я уже позабыл. Был вечер, ещё лежал снег, лужи, грязь. Это не был центр города, но точно какое-то гетто для богатых. Был КПП, мы сказали, к кому едем, назвали себя. Позвонили, пропустили.

Встретил нас охранник. Ну, как все охранники — мордат, пиджак, одна пола пиджака оттопырена: не то оружие под полой, не то рация.

Плохонький какой-то русский свет на лестничной площадке, такой же жёлтый «бедный» свет в коридоре и во внутренностях квартиры.

Никаких членов семьи не обнаружилось. Мы пили не то чай, не то кофе, они, Аксёнов с Глушковым, повспоминали свою общую жизнь в Лефортово, а потом разговор заглох. Помню, что я был натянут и недоволен собой. Что-то у нас в общении не клеилось, не получалось. А мы с Аксёновым хотели, чтобы получилось. Глушкова обвиняли, что он вывел на швейцарские счета 252 миллиона долларов. У нас с Аксёновым на руках была партия.

Партия хотела жить и действовать. Перед нами был богатый человек, который мог бы помочь партии деньгами. Но контакта не получалось. И Глушков оставался дистанцированным, и я. Не могу сказать «мы», поскольку они вместе сидели, их связывали общие воспоминания о тёплой тюремной бытовухе. Ну, кто там кого чем угощал или как (к примеру) бражку какую-нибудь пытались поставить.

Мы уже оделись и стояли у двери. И тут я, прокашлявшись, обратился к Глушкову: «Слушайте, Николай, а у вас выпить ничего нет?»

«Есть, конечно же, что же вы сразу-то не сказали!»

Мы вернулись в его кабинет, сели за стол (стол из фанерита — отметил я), и охранник принёс охапку чудесного иностранного пива.

Так началась пьянка (перешедшая в обед), от которой я на следующий день вынужден был отлёживаться в постели.

Вот, собственно, и всё. Или почти всё. Глушков впоследствии дал немного денег на наших политзеков. А потом он сбежал в Англию.

Сегодня я написал Аксёнову. Где он, Аксёнов, я понятия не имею, последние годы он жил в Омске, мы давно отдалились друг от друга, точнее, это он от меня отдалился и от партии.

Так вот, я написал Аксёнову следующий короткий текст по e-mail: «Вашего сокамерника смерть расследуют, Сергей! Пишут, что убили его там. Вы бы написали что-то, вспомнили. Ваш ЭЛ».

Ответ я получил почти тотчас: «Пробовал... не выходит чего-то. Если хотите, Вы напишите».

Я подумал, что он темнит, Аксёнов, может быть, не хочет выявлять эту связь.

Я написал: «Я его знал один вечер, Сергей. Вы же с ним сидели».

«Вот и хорошо. Используйте, что знаете. Вспомните, что он копейку тогда подкинул нашим политзекам».

Я вспомнил, как мы тогда выкатывали на нашем красном ржавом ВАЗе из богатого, но грустного квартала, как садились в красный и ржавый, а за рулём был тогда ещё молодой Стас, он сейчас воюет в Сирии и одно время числился в пропавших без вести, потом отыскался. Стас позавидовал

нам, что мы хорошо пообедали и хорошо выпили в богатом доме.

Вспомнил я и о Глушкове, его густые усы, скрывающие прикус рта, покрывающие верхнюю губу. Вы знаете, что такого рода усами легко прикрыть бесхарактерность? Такие усы носил Максим Горький, подражавший Фридриху Ницше, и сам Ницше носил такие.

От Глушкова у меня осталось впечатление, что он был вторым в команде Березовского, во всяком случае под командованием Березовского. И его густые усы, начёс вниз, скрывали его подчинённость.

Ну, конечно, мы были озабочены финансированием партии, однако никогда не предавали свои идеи и принципиально всегда отказывались от предложений «помочь».

Аксёнов постепенно отдалился от партии. Официально его версия принятия дистанции с партией объясняла отдаление его тем, что у него была проблема с позвоночником. Однако отъезд в Омск к первой жене не особенно вписывался в версию.

Написал он всё-таки о Глушкове, повесил в свой журнал Сергея Аксёнова и добавил сверху «написалось».